

Научная статья

УДК 343

doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.020

Правоприменительные фикции в уголовном праве

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА СИТНИКОВА

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия,
orcrimpravo@yandex.ru

Аннотация. В статье проведена дифференциация уголовно-правовых фикций на законодательные, правоприменительные и доктринальные. В зависимости от степени соответствия содержания умысла наступившим реальным последствиям правоприменительные фикции разделены на простые (однозначные) и сложные (двойные). Установлено, что простые фикции используются правоприменителем при минимальном отступлении уголовно-правовой оценки содеянного от фактических обстоятельств дела. Использование простых фикций имеет место при квалификации посягательств, связанных с фактическими ошибками в предмете преступления и размерах причиненного ущерба. Сложные фикции включают в себя создание несуществующих последствий, то есть не соответствующих реальным фактам совершенного посягательства. Сложные фикции как правоприменительный прием закреплены в постановлениях пленумов Верховного Суда Российской Федерации, которые позволяют квалифицировать действия виновных лиц при значительном отклонении реально наступивших последствий от содержания и направленности умысла. Представлен правоприменительный подход использования фикций при квалификации преступлений, предусмотренных п. «а», «г» ч. 2 ст. 105, 229 УК РФ.

Ключевые слова: правоприменительные фикции; дифференциация фикций; простые (однозначные) фикции и сложные (двойные) фикции; квалификация преступных действий.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Ситникова А. И. Правоприменительные фикции в уголовном праве // *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*. 2023. № 1 (21). С. 186–192. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.020.

Original article

Law Enforcement Fictions in Criminal Law

ALEKSANDRA I. SITNIKOVA

Southwest State University, Kursk, Russia, orcrimpravo@yandex.ru

Abstract. The article differentiates criminal law fictions into legislative, law enforcement and doctrinal ones. Depending on the degree to which the content of

the intent corresponds to actual consequences that have occurred, law enforcement fictions are divided into simple (unambiguous) and complex (double). It is established that simple fictions are used by the law enforcement officer with a minimum deviation of the criminal legal assessment of the act from actual circumstances of the case. Simple fictions are used for qualification of encroachments related to factual errors in the subject of the crime and the amount of damage caused. Complex fictions include creation of non-existent consequences, that is, not corresponding to real facts of the committed encroachment. Complex fictions as a law enforcement technique are fixed in resolutions of the plenums of the Supreme Court of the Russian Federation, which allow to qualify guilty persons' actions with a significant deviation of actual consequences from the content and direction of intent. The law enforcement approach of using fictions in the qualification of crimes provided for in paragraphs "a", "g" of Part 2 of articles 105, 229 of the Criminal Code of the Russian Federation is presented.

Keywords: law enforcement fictions; differentiation of fictions; simple (unambiguous) fictions and complex (double) fictions; qualification of criminal actions.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Sitnikova A.I. Law enforcement fictions in criminal law. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, 2023, no. 1 (21), pp. 186–192. doi: 10.46741/2713-2811.2023.21.1.020.

Предметом пристального внимания в среде отечественных правоведов, представляющих разные отрасли права, являются правовые фикции. Большинство теоретиков права фикциями признают заведомо неистинные положения, которые устраняют неопределенность в праве и выступают в роли юридических фактов [1, с. 54]. По мнению представителей международной отрасли права, фикция является универсальным технико-юридическим приемом создания норм права, который позволяет обеспечить непрерывность функционирования правового процесса [2, с. 6]. С позиции гражданского права фикция есть юридический прием, устраняющий пробелы в законодательстве и праве [3, с. 125]. Специалисты по законодательной технике сформулировали положения о фикциях как о несуществующих событиях, которые в силу определенных обстоятельств признаются реально существующими и становятся в связи с этим обязательными [4, с. 188]. Исследователи уголовно-правовых фикций справедливо определяют данный феномен как прием законодательной техники, состоящий в признании существующим несуществующего в нормативном предписании, и также используют фикции в правоприменительной практике [5, с. 28].

Вместе с тем необходимо отметить, что ученые-юристы уделяют недостаточное внимание теоретической разработке фикций, их классификации, использованию при конструировании уголовно-правовых предписаний и влиянию на квалификацию действий виновных лиц. В этой связи ранее нами была проведена классификация фикций по сфере их использования на доктринальные, законодательные и правоприменительные [6, с. 55–62]. Доктринальная фикция – это теоретическое построение, которое не соответствует действительности и способствует либо препятствует развитию научного познания и достижению научно значимых результатов. Под законодательной

фикцией следует понимать технико-юридический прием, применение которого ведет к созданию нормативного текста, содержащего заведомо условные, не соответствующие действительности законодательные предписания. Правоприменительная фикция – это юридический вывод, основанный на принципе субъективного вменения, но не соответствующий фактическим обстоятельствам дела.

По степени соответствия юридической оценки содеянного реальным последствиям совершенного деяния правоприменительные фикции можно разделить на простые (однозначные) и сложные (двойные).

Простой (однозначной) фикцией является правоприменительный вывод, в котором имеет место минимальное отступление уголовно-правовой оценки содеянного от фактических признаков совершенного преступления. Простая фикция применяется при квалификации действий виновного, совершившего посягательство на хищение обычных лекарственных средств, ошибочно принятых за наркотические средства. При этом оконченный состав хищения обычных лекарственных препаратов признается покушением на хищение наркотических средств, и действия подлежат квалификации по ч. 3 ст. 30 и соответствующей части ст. 229 УК РФ.

Сложная (двойная) фикция – это юридический вывод, основанный на создании искусственных правовых последствий, не соответствующих действительности по нескольким параметрам. Сложная фикция имеет место при уголовно-правовой оценке действий виновного, совершившего посягательство на жизнь женщины при наличии фактической ошибки в ее биологических свойствах. В этом случае имеются два вида ошибок: убийство беременной женщины, ошибочно принятой за небеременную, и причинение смерти небеременной женщине, реально находящейся в состоянии беременности.

Следственная и судебная практика при квалификации действий виновного, совершившего убийство женщины, ошибочно принятой за беременную, при ошибке в ее физиологических свойствах основана на доктринальной фикции, признающей оконченное убийство женщины, не являющейся беременной, как покушение на жизнь беременной женщины по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Применение данной фикции позволяет правоприменителю соединить умышленное причинение смерти женщине, не находящейся в состоянии беременности, с принципом субъективного вменения о заведомом знании виновным о наличии беременности у женщины и признать содеянное покушением на жизнь беременной женщины. Однако в законодательной формуле покушения (ч. 3 ст. 30 УК РФ) закреплены иные признаки неоконченного преступления, такие как прерванность преступных действий и наличие внешних, не зависящих от виновного обстоятельств, которые не дают довести преступление до конца. Кроме того, субъект, совершающий покушение, осознает возможность доведения посягательства до конца. При реальном покушении сохраняются признаки жизни, даже если потерпевшей причинен тяжкий вред здоровью. К тому же близкие потерпевшей крайне отрицательно воспринимают признание потерпевшей беременной, которая фактически не являлась таковой. Выработанная судебной практикой квалификация в слу-

чае посягательства на мнимо беременную женщину основана на признании субъективного признака – заведомого знания о физиологических свойствах потерпевшей – обстоятельством недоведения преступления до конца, что противоречит легальной формуле покушения. Это означает, что квалификация содеянного в качестве покушения на убийство беременной женщины не учитывает реально наступившие последствия в виде смерти потерпевшей, которая не находилась в состоянии беременности. Признание подобной квалификации правильной может привести к абсурду: в случае реального покушения на жизнь мнимо беременной женщины придется квалифицировать действия виновного как покушение на жизнь женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности. О сомнительности применения подобной квалификации свидетельствует совпадение максимальных сроков наказания в виде лишения свободы за оконченное простое убийство (15 лет) и покушение на убийство с отягчающим признаком (14 лет). Для устранения указанных противоречий предлагаем не принимать во внимание заведомое знание субъекта о физиологическом состоянии потерпевшей, которое строится на ничем не подтвержденном заявлении женщины о ее биологическом состоянии, и квалифицировать действия виновного по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Для увеличения срока наказания в подобной ситуации суд вправе применить п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ и в соответствии с принципом субъективного вменения учесть реально наступившие последствия в виде смерти потерпевшей.

В основу судебной практики при квалификации посягательства на жизнь небеременной женщины, фактически оказавшейся в состоянии беременности, реализуется вторая разновидность простой (однозначной) фикции. В соответствии с данным правоприменительным подходом квалификация убийства беременной женщины в связи с фактической ошибкой в ее физиологических свойствах осуществляется как простое убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ. Применение данной фикции основано на доктринальных положениях оценки содеянного, разработанных С. В. Бородиным, который справедливо считал неприемлемым применение квалифицирующего признака убийства при отсутствии у посягающего заведомого знания о состоянии беременности [7, с. 137]. А. Н. Попов в свою очередь обоснованно полагал, что в таких случаях отсутствует возможность вменить в вину отягчающее обстоятельство в виде заведомого знания о наличии беременности, поскольку таковое не охватывалось умыслом виновного [8, с. 343]. Аналогичную позицию занимают комментаторы УК РФ, которые относят заведомость к осведомленности посягающего о беременности женщины [9, с. 465].

Трудно согласиться с квалификацией убийства беременной женщины в виде простого убийства из-за отсутствия заведомого знания о ее физиологическом состоянии по следующим основаниям: во-первых, при квалификации содеянного в таких случаях учитывается только отсутствие заведомого знания у виновного о беременности женщины; во-вторых, при этом совершенно не принимаются во внимание реальные фактические последствия в виде смерти беременной женщины, которые являются более значимыми, чем содержание и направленность умысла; в-третьих, умысел выявляется на ос-

нове показаний подозреваемого, свидетелей, которые могут быть ложными, ошибочными либо внушенными, а наступившие последствия всегда реальны; в-четвертых, убийство беременной женщины может быть как с прямым, так и с косвенным умыслом, при наличии которого субъект допускает лишение жизни беременной либо безразлично относится к наступлению тяжких последствий. На наш взгляд, разрешить проблемную ситуацию при квалификации реального посягательства на жизнь беременной женщины, ошибочно принятой за небеременную, и дать адекватную уголовно-правовую оценку содеянного возможно за счет исключения признака заведомости из п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ и использования при назначении наказания в виде лишения свободы отягчающего обстоятельства, указанного в п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

В судебной практике прием в виде двойной (сложной) фикции используется и при квалификации посягательств на жизнь двух и более лиц. В течение длительного периода уголовно-правовая оценка содеянного вызывала дискуссию в доктрине [7, с. 128; 8, с. 52; 10, с. 44] и в полной мере не разрешена до настоящего времени [11, с. 465]. Отсутствие в уголовно-правовой литературе адекватной оценки действий лица, посягнувшего на жизнь двух и более лиц, негативно сказалось при выработке постановления Верховного Суда Российской Федерации, разъясняющего особенности квалификации действий лица в рамках состава преступления, сформулированного в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, при различном соотношении убитых и раненых. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1997 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (в актуальной редакции) разъясняет судам, что «убийство одного человека и покушение на жизнь другого не может рассматриваться как оконченное преступление – убийство двух лиц. В таких случаях независимо от последовательности преступных действий содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Данное правило квалификации содержит сложную фикцию, которая признает наличие одного убитого (ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК РФ) и двух раненых (ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ). При таком правоприменительном подходе можно говорить о наличии трех потерпевших: в отношении одного имеет место оконченное убийство, на двух совершено покушение, к тому же одно лицо признается одновременно убитым и раненым.

На наш взгляд, более точная квалификация посягательства на жизнь двух и более лиц зависит от учета степени реализации умысла, соотношения убитых и раненых и применения принципа дифференцированной квалификации. Взаимозависимость указанных факторов дает возможность выделить при минимально реализованном умысле неоконченное посягательство в виде покушения, при полной реализации умысла – оконченное посягательство, при максимально реализованном умысле – множественное посягательство с различным соотношением убитых и раненых.

Таким образом, исследование фикций является перспективным направлением уголовно-правовой науки, поскольку контент юридических фикций в уголовном праве не исчерпывается только законодательными фикциями. Осо-

бое место в сфере действия уголовного законодательства занимают правоприменительные фикции, посредством которых Верховный Суд Российской Федерации более или менее успешно пытается устранить недостаточную гибкость уголовно-правовых норм, при этом не подменяя собой законодателя. Обращают на себя внимание неприемлемость сложных правоприменительных фикций, за счет которых следственные и судебные органы лавируют, чтобы не нарушить принцип субъективного вменения при квалификации ряда умышленных преступлений, и достаточная пригодность простых правоприменительных фикций. Определенный интерес в научном плане вызывают и доктринальные фикции, поскольку они нередко выполняют роль научных гипотез и даже аксиом, которым следует доктрина уголовного права.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Назаренко Г. В. Теория государства и права : учеб. курс. М., 2006. 176 с.
2. Танимов О. В., Малеев Ю. Н. Фикции в международном праве // Московский журнал международного права. 2004. № 3. С. 3–18.
3. Гражданское право : учеб. : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 1998. Т. 1. 785 с.
4. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учеб. М, 2007. 512 с.
5. Панько К. К. Фикции в уголовном праве и правоприменении. Воронеж, 1998. 135 с.
6. Ситникова А. И. Уголовно-правовая текстология. М., 2016. 304 с.
7. Бородин С. В. Преступления против жизни : моногр. СПб., 2003. 467 с.
8. Попов А. Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах. СПб., 2003. 898 с.
9. Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. Э. Жалинского. М., 2005. 1088 с.
10. Тишкевич С. И. Квалификация преступлений против жизни. Минск, 1991. 78 с.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации: комментарий с путеводителем по судебной практике. М., 2021. 1536 с.

REFERENCES

1. Nazarenko G.V. *Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. kurs* [Theory of state and law: study course]. Moscow, 2006. 176 p.
2. Tanimov O.V., Maleev Yu.N. Fictions in international law. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2004, no. 3, pp. 3–18. (In Russ.).
3. *Grazhdanskoe pravo: ucheb: v 2 t. T. 1* [Civil law: textbook: in 2 vols. Volume 1]. Ed. by Sukhanov E.A. Moscow, 1998. 785 p.
4. Kashanina T.V. *Yuridicheskaya tekhnika: ucheb.* [Legal technique: textbook]. Moscow, 2007. 512 p.
5. Pan'ko K.K. *Fiktsii v ugolovnom prave i pravoprimenenii* [Fictions in criminal law and law enforcement]. Voronezh, 1998. 135 p.
6. Sitnikova A.I. *Ugolovno-pravovaya tekstologiya* [Criminal law textuology]. Moscow, 2016. 304 p.
7. Borodin S.V. *Prestupleniya protiv zhizni: monogr.* [Crimes against life: monograph]. Saint Petersburg, 2003. 467 p.
8. Popov A.N. *Ubiistvo pri otyagchayushchikh obstoyatel'stvakh* [Murder under aggravating circumstances]. Saint Petersburg, 2003. 898 p.
9. *Uchebno-prakticheskii kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Educational and practical commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Ed. by Zhalinskii A.E. Moscow, 2005. 1,088 p.

10. Tishkevich S.I. *Kvalifikatsiya prestuplenii protiv zhizni* [Qualification of crimes against life]. Minsk, 1991. 78 p.

11. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: kommentarii s putevoditelem po sudebnoi praktike* [The Criminal Code of the Russian Federation: commentary with a guide to judicial practice]. Moscow, 2021. 1,536 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА СИТНИКОВА – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета, Курск, Россия, orcrimpravo@yandex.ru

ALEKSANDRA I. SITNIKOVA – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Criminal Law of Southwest State University, Kursk, Russia, orcrimpravo@yandex.ru

Статья поступила 29.11.2022

